

Во время происшествия Рикардис также был свидетелем того, как все жрецы храма допрашивали Лахеанси. Лахеанси как малое дитя на глазах седых священников катался по полу со слезами, горько рыдая и шмыгая соплями.

[О, я не знал, что она такой человек!]

«Без понятия! Я учился у безумной ведьмы, оклеветавшей Иллавению?» Он рыдал и рыдал, так что, разумеется, все решили, что он никак не связан с Виндит, но теперь он открыто заявляет, что его чему-то обучили?

—Ты же сказал, что не обучался у Виндит.

—Я несколько лет сотрудничал с мастером. Старший братец, а ты куда наивнее, чем я думал. Чтобы поверить в это...

«Мелкий сопляк». Рикардис окатил суровым взглядом. Лахеанси хихикнул, поворачиваясь в своем кресле.

—Брат, Виндит никогда не основывала религию и не проповедовала доктрину. Абсурдно называть подобное религиозной ересью.

—Так ее казнили ни за что.

—Она порочила Иллавению и его величество императора.

—...когда она ворчала о несправедливости?

—Верно....даже для меня это прозвучало грубовато, —пробубнил Лахеанси, устремив взгляд в воздух под воспоминания прошлого.

Какую же ты брань несла, бывший верховный жрец Виндит....

—Если узнал намек о Белой ночи в Балте, а не где-то еще там, значит ли, что нельзя лишь силой призвать Белую ночь и Черную луну....

«Я знаю. Нужны две силы от двух людей. Один со святой, а другой с магией. И, судя по тому, что написано в литературе, важны также дата и время. Это подводит меня к вопросу... Когда следующее полнолуние?» Лахеанси молча аплодировал. Рикардис был уверен, что его предположение оказалось примерно правильным. Он заметил это в храме Балты. Когда верховный жрец, самый приближенный к Благословенной ночи, подтвердил это, он почувствовал облегчение.

—Тем не менее, брат. Нынешний народ Иллавании пребывает в забвении. Иллавания намеренно стерла потребность в магах и как таковой магии. Из-за знаний и попыток пролить свет на истину Виндит поймали, как крысу.

Рикардис ненавидел храмы и потому не ладил со священниками. Он тоже видел Виндит только мельком и не знал о ее эрудиции и мозгах.

—Вероятно, это было трудно для императора.

—Ну, все остальное в сторону. Тогда почему, как ты думаешь, у нас в Иллавании нет Белой ночи?

—Потому что император недостаточно компетентен, а маги скрываются?

—Верно, но есть еще одна вещь. Если для условия призыва Белой ночи нужен кто-то с определенным уровнем святой силы, также необходим и маг того же уровня?

Пока Лахеанси повторял незнакомые слова, Рикардис молча кивнул.

—Все потомки Лоурэл из Сноуфилда идеально подходят для этой роли благодаря мощной божественной силе, передающейся из поколения в поколение. Так из поколения в поколение они могли вызывать Белую ночь.

—Думаю, да.

—Тогда, чья родословная наделена сильной магией? Где они сейчас?

Рикардиса охватило ощущение покалывания, будто его ударили по голове. Точно. Лоурэл из Сноуфилда. Большинство из тех, кто носит это имя, родилось со святой силой, независимо от ее количества. Они держали в руках всю законность и права, ибо им от рождения дано право призывать Белую ночь.

Тогда, как и сказал Лахеанси, была вероятность, что существовала родословная, рожденная с сильной магией. Однако ни в записях, ни в исторических книгах записей не было найдено. Из-за характера императорской семьи Иллавании, отчаянно уничтожавшей существование демонов и роль магии, было неизвестно. Никто не был уверен.

—... Может быть, их не было?

Так что не оставалось другого выбора, кроме как выдать столь глупый ответ. Лахеанси еще больше приоткрыл свои полузакрытые веки. Рикардис задумался, спит ли он сейчас. Он смотрел куда-то вдаль, погруженный в свои мысли.

—Так и было.

Его лаконичные слова, подтверждающие их существование, указывали на прошлое, а не на настоящее. Рикардис почесал по подбородку, проясняя свои мысли. Лахеанси не сказал бы этого, основываясь на мужестве. Было ли это от Виндита или с помощью библиотеки, доступ к которой имел только верховный жрец...Это походило на правду.

Родословная с сильной магией, безусловно, существовала. Так где же они сейчас? Неужели они сбежали, не сумев противостоять тирании Иллавении? Они прятались? Но реально ли задержать дыхание, не подавая признаков на протяжении веков?

По всему континенту появлялись на свет те, кто обладал святой силой, даже не принадлежа к Лоурэл из Сноуфилдам. Порой некоторые люди обладали силой, способной превзойти мощь императорской семьи, и в обычных случаях их отправили в храм и воспитывали как священников. Часто были случаи принудительных процедур, но родители покорно отдавали ребенка, получая большое вознаграждение.

Если люди с мощной божественной энергией рождались по всему континенту в течение сотен лет подобным образом, разве не должны быть и рожденные с такой магией? Тем не менее императорская семья Иллавении, сотни лет не способная призвать Белую ночь...возможно, потому, что не существовало магов, соответствующих бы этому условию.

В то же время, когда род покинул мир, семена выдающихся магов иссякли. В непостижимо далеком прошлом что-то должно было произойти. И из-за этого континент постепенно начал двигаться по пути, и отправной точкой, вероятно, послужила императорская семья.

Рикардис рассмеялся. Вот оно. Нужно было лишь вытворить что-то настолько глупое. Это было подобно переворачиванию стола вверх дном, попутно пытаясь монополизировать его. Было неловко носить имя Лоурэла. «Я никогда не мечтал, что настанет день, когда подумаю, что рад, что не связан с ними кровью».

—Здесь нужно кое-что отметить...

Лахеанси продолжил. Перестав вертеться на стуле, он прямо сел и порылся в священном писании, испачканном маслом для печени.

—Прямо сейчас на континенте есть сильный маг с превосходной репутацией.

Брови Рикардиса дернулись. Он наклонил верхнюю часть тела вперед и пристально уставился на него.

—С ростом раскрытия тайн будешь чувствовать потребность в даме Розелин.

Свежий весенний ветерок охлаждал плоть, образуя мурашки и напряжение. Это было предложение, предвещавшее трудности будущего. Рикардис тоже это почувствовал, но, услышав это от своего сводного брата, занимавшего должность верховного жреца, испытал иное ощущение. В старые времена некоторые из престижных первосвященников нечасто давали пророчества.

Колокол на шпилье прозвенел три раза, объявляя время молитвы. Взгляд Рикардиса был направлен за дверь, к Розелин. Рикардис встал.

Лахеанси также снял свою легкую пижаму и переоделся в накидку, валявшуюся на полу.

—Ты более прилежен, чем я думал.

—Во что бы то ни стало, я все еще первосвященник...Увидимся в следующий раз.

—Лахе.

Лахеанси усмехнулся, надевая белую шляпу высокопоставленного священника.

—Почему ты такой милый, брат? Ты всегда называешь меня так, если хочешь что-то спросить или тебе что-то нужно.

—И ты всегда уклонялся от ответа. Что изменило твое мнение?

Рикардис посмотрел на все еще занятую фигуру Лахеанси. Лахе. Этим прозвищем называла его Сетистия. Среди братьев Лахеанси был более дружен с Рикардисом, но никогда не был на его стороне. Благословенная ночь. Белая ночь. Любые подсказки, информация и правда, подобная тому, что Рикардис надеялся узнать, бегая по полю боя, избегая клинка убийцы. Лахеанси знал кое-что из этого, но никогда не просвещал Рикардиса.

Но почему именно сегодня? Вопрос, возникший у Рикардиса, был естественным. Лахеанси заснул и вытащил ожерелье из-под кровати.

—Честно говоря, я думал, что ты скоро умрешь. По моим ожиданиям, ты должен был умереть около шести лет назад. Ты потрясающий, брат.

—Спасибо за комплимент.

Рикардис угрюмо потер подбородок. Лахеанси смотрел в зеркало, приводя в порядок свой наряд, но Рикардису пришлось помочь из-за...

—Одного этого недостаточно. Ты не можешь раскрывать секреты кому бы то ни было, не так ли? Это может угрожать жизни.

—Но?..

Рикардис сам расчесал волосы и связал их вместе. Он завязал их слабо, чтобы не слишком сильно натягивать и не причинять боль. После того как он подвязал растрепанные волосы, Лахеанси выглядел гораздо живее. Лахеанси ответил только после одного подмигивания и одной стрелы любви к себе в зеркале.

—Теперь я собираюсь рискнуть своей жизнью.

Рикардис посмотрел на лицо Лахеанси в зеркале. Он не улыбался и не сутулился, как обычно. Его пристальный взгляд, устремленный в одно место, рисовал далекое место. Вскоре Лахеанси обернулся и ухмыльнулся. Эту улыбку Рикардис видел всегда.

Сквозь щель приоткрытой двери был замечен священник, который раньше наставлял Рикардиса. Он ожидал Лахеанси с встревоженным видом. Будучи первосвященников, порой он забывал о своих делах.

Лахеанси ворчал что-то про опоздание, притворяясь, что занят только бубнением.

—Увидимся позже, брат.

—Поторопись и уходи.

—Благословение Иделавхима...

—Уходи.

Лахеанси закончил что-то бормотать, а затем двинулся быстрой поступью.